

КОНЦЕПЦИЯ СТРАТЕГИИ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ЭДВАРДА ЛЮТТВАКА

УДК 355.4: 94 (495)

А.В. Козленко

Минский инновационный университет

Эдвард Люттвак (род. в 1942 г.) – американский политолог и экономист, широко известный специалист по военной стратегии и теории международных отношений. Преподавал в университете Бата (Великобритания), затем в университете Джонса Хопкинса и в Джорджтаунском университете (США). На протяжении долгих лет занимал должности советника президента США, старшего советника Центра стратегических и международных исследований (Вашингтон), политического консультанта Государственного департамента и Совета безопасности США, а также нескольких министерств обороны стран НАТО. Он является автором более полутора десятков работ, переведенных на многие языки и доставивших ему известность литератора: «Практическое руководство политического переворота» (1968), «Стратегический баланс» (1972), «Стратегия войны и мира» (1987). Среди историков Люттвак также хорошо известен своей оригинальной работой «Стратегия Римской империи» (1976), в которой принятые в современной политической науке принципы исследования использовались для изучения эпохи античности. Положения, сформулированные им в этой книге, устроили далеко не всех и в свое время стали причиной оживленной дискуссии о содержании понятия «стратегия» и о наличии стратегии в эпоху Римской империи. Специалисты, принимавшие участие в дискуссии, в ее ходе представили множество аргументов как в пользу концепции Люттвака, так и против. Тем не менее, сегодня ссылка на эту работу при проведении исследовательских изысканий в данной теме является обязательной. Последняя работа Люттвака «Стратегия Византийской империи» (2009), переведенная в 2010 г. на русский язык, еще раз подтвердила плодотворность подобного подхода и предоставила исследователям новый повод для дискуссий.

В самом общем смысле вопрос, который задает автор в начале книги – это тот же вопрос, который уже не одно столетие беспокоит историков: почему Восточная Римская империя (Византия) уцелела в ходе обрушившегося на нее катаклизма Великого переселения народов и почти на тысячу лет пережила Западную? Отстранившись от обсуждения политических, социальных, экономических, культурных объяснений причин упадка и гибели Римской империи, Люттвак сразу переводит их в военно-стратегическую плоскость. В этом плане, он убежден, положение Византии было гораздо более уязвимым по сравнению с Западной частью империи, ибо от вторжений врагов она не была защищена ни природным барьером, подобным Альпам или Пиренеям, ни обширным предпольем [1, с. 12]. На севере граница Византии проходила по Дунаю, и самая грозная опасность ей грозила отсюда, от бесчисленных орд кочевников, волнами накатывавшихся друг за другом из Великой Степи: гуннов, авар, болгар,

мадьяр, печенегов и, наконец, куман. Имперская столица Константинополь по сути находилась в прифронтовой зоне и за свою историю многократно подвергалась осадам. На востоке Византия граничила с державой персов Сасанидов, традиционным и опасным противником, силы которого не уступали ее собственным. Линия границы здесь протянулась по суше почти на пятьсот миль в длину и на большей части этого расстояния оставалась совершенно открыта и легко проницаема. Если римские императоры III – IV вв. для сдерживания персов могли привлекать войска с Запада, то византийским приходилось делать это, опираясь исключительно на собственные силы. В сравнительно безопасном положении находился разве только Египет, традиционная житница империи, откуда продолжала снабжаться хлебом ее столица. Однако, с мусульманским завоеванием в середине VII в. Египет и вся Африка, а равно и Сирия, оказались оторваны от территории империи, а новая линия границы стала проходить по предгорьям Тавра. Славяне в VIII в. отобрали у Византии Балканы, норманны в XI в. – последние владения в Италии, турки в XII в. – Малую Азию. За свою длительную историю Византия потерпела немало военных поражений, причем некоторые из них казались катастрофическими. Большая часть страны неоднократно оказывалась в руках захватчиков, сам Константинополь в 1204 г. был захвачен крестоносцами. Тем не менее, Византийская империя продемонстрировала стойкую жизнеспособность, проявившуюся в удивительной способности возрождать собственную структуру и, зачастую начиная все заново, неизменно добиваться успеха.

Автор выделяет три взаимосвязанных фактора, находившихся в основе этой способности к выживанию. Первым являлось качественное превосходство византийской армии и военного искусства над тем, что было у ее врагов. «В то время как враги Византийской державы по большей части представляли собой племенные ополчения, добровольческие отряды, пополнявшиеся лихими людьми или угнетенными крестьянами... византийцы могли позволить себе круглый год держать на жаловании профессиональных воинов и моряков» [1, с. 19]. Византийская армия возводила свое происхождение к римской и продолжала ее традиции. Византийцы, подобно римлянам, практиковали принцип индивидуального отбора и обучения новобранцев, которых тренировали во владении различными видами вооружения. Также регулярно проводились военные смотры и тактические учения воинских соединений, приучавшие солдат действовать в самой разнообразной обстановке. В то время как их противники владели лишь традиционными воинскими навыками своего племени, византийские войска были представлены гораздо большим разнообразием оружия, военных приемов и родов войск. Пехоту, набранную из германцев, иллирийцев и славян, византийцы использовали против тяжеловооруженных персидских всадников, а легкую конницу и лучников из числа степных кочевников – против сражавшихся пешими западных варваров. Византийское военное искусство, также основанное на античной традиции, сохраняло свою эффективность в изменившихся обстоятельствах. Византийские военачальники читали работы,

доставшиеся им от предков, и сами писали новые. Как правило, они внимательно изучали своих противников, собирая информацию из различных источников. Учитывая их сильные и слабые стороны, византийцы умело создавали предпосылки для своего военного превосходства. На их стороне был опыт и дисциплина. Благодаря этим союзникам их, как правило менее многочисленные, но при этом лучше подготовленные войска, в условиях решающего сражения неизменно одерживали верх над численно превосходящими их ордами варваров [1, с. 21].

Вторым фактором превосходства являлась развитая экономика, интенсивное денежное обращение и связанная с ним система налогообложения. Хотя экономика Византии значительно уступала римской как по уровню производства, так и по капиталоемкости, она все же значительно превосходила соседние экономики, может быть за исключением только экономики Арабского халифата. В то время как в остальной части Европы господствовала натуральная экономика, византийцы имели специализированное ремесло и ориентированное на рынок сельское хозяйство. Они сохраняли производственные технологии, доставшиеся им в наследство от римлян и дополнили их рядом собственных изобретений, таких, например, как производство шелка. Огромные прибыли Византии приносила торговля с Востоком. Столица империи Константинополь являлась крупнейшим рынком своего времени. Византия продолжала чеканить золотую и серебряную монету, являющуюся универсальным средством обмена. При дефиците и высокой стоимости золота «один лишь император в Константинополе распоряжался его постоянными запасами, которые пополнялись благодаря циркуляции казенного золота, собиравшегося в его сокровищницах в качестве налоговых платежей и затем выплачивавшегося в качестве жалования, что в конечном итоге порождало денежные доходы, которые, в свою очередь, подвергались налогообложению» [1, с. 194]. Развитая налоговая система империи позволяла ей год за годом, столетие за столетием собирать в казну суммы, необходимые на покрытие крупных расходов имперского двора, выплату жалования воинам, содержание флота и отступные агрессивным соседям, чтобы они вели себя тихо. Причем суммы, изъятые в виде налогов из рыночного обращения, очень скоро вновь возвращались в экономику в виде платы за те ресурсы и товары, которые были совершенно необходимы их получателям [1, с. 141]. Придворная бюрократия, перераспределявшая денежные потоки внутри империи и за ее границами, обходилась казне в очень значительные суммы, но ее неустанный труд скреплял разнородные части империи в общую систему, поддерживал ее в необходимом напряжении и неоднократно позволял ей заново возрождаться из руин [1, с. 90].

Третьим фактором являлась изобретенная византийцами стратегия не прямых действий, название которой до сих пор сохранило имя своих создателей в ряде европейских языков. Стратегию автор определяет, как общий план деятельности, охватывающий длительный период времени, способ достижения

сложной цели. Важнейшим условием стратегии является дефицит ресурсов, которых оказывается недостаточно для прямого достижения основной цели. Применение стратегии имеет целью максимизацию результата их применения и снижения цены издержек [1, с. 575]. Расхожий миф о византийской дипломатии – бесконечно коварной, неизменно предательской, подчас увязающей в бесконечных интригах – представляет собой вымысел, созданный недоброжелателями, за которым все же скрывается зерно правды. Византийская стратегия, как правило, предусматривала отказ от прямого применения силы и для достижения своих целей прибегала к значительно более сложной и изощренной системе действий. В ее состав входили выплата денежных подарков противникам империи с целью удержать их от нападения и адресный подкуп лиц из окружения их правителей, способных действовать в качестве агентов влияния, использование престижа империи и привлекательность цивилизованного образа жизни, династические браки и торговые преференции. Важнейшим аспектом стратегии было вовлечение в орбиту византийской политики соседних с ней народов, которые империя заставляла служить своим целям, либо поддерживая мир на ее границах, либо ведя войны против общего противника [1, с. 22].

Историческому описанию и анализу стратегии Византийской империи посвящена большая часть книги Люттвака. Римская империя, предшественница Византии, в эпоху наивысшего расцвета в I – III вв. н.э. обладала подавляющим превосходством над любым из имевшихся у нее противников. Сочетая попеременно, то агрессивную политику террора и устрашения, то умелую оборону границ, римляне в течение долгого времени успешно сдерживали постоянно атаковавшие ее варварские орды и поддерживали гражданский мир внутри государства. Их политика с позиции силы, по мнению автора, скорее соответствовала линейной логике здравого смысла, а не стратегии в строгом определении слова [1, с. 582]. Византия, в сравнении с Римской империей, уже не обладала столь значительным преимуществом над своими врагами. Ее территории не доставало необходимой глубины для организации эшелонированной обороны, более скромные финансовые и мобилизационные возможности позволяли ей содержать лишь армию ограниченной численности, она также не могла перебрасывать дополнительные резервы с других фронтов в те места границы, которым угрожала непосредственная опасность, поскольку на протяжении большей части своей истории империя находилась в состоянии хронической обороны, когда ее враги одновременно наседали на нее по всем фронтам. В этих тяжелых условиях ограниченных ресурсов и непрекращающегося осадного положения византийцам пришлось отступить от римских канонов политики и создать собственные.

Новая стратегия, как считает Люттвак, сложилась с вторжением в Европу гуннов. Эти кочевники располагали многочисленными и одновременно очень мобильными армиями, состоявшими из природных бойцов. Большое количество лошадей позволяло им в самый короткий срок совершать переходы на огромные расстояния, появляясь перед не ожидавших их противником и сполна используя эффект внезапности [1, с. 57]. Самым грозным оружием гуннов был

сложносоставной лук. Стрелы, посланные из такого лука, поражали цель на дальних дистанциях, пробивая при этом любую защиту [1, с. 49]. Потерпев от гуннов ряд катастрофических поражений, византийцы отчаялись в возможности разбить этого врага привычными средствами и оказались вынуждены прибегнуть к дипломатии. В течение длительного времени они откупались от гуннов золотом. Ежегодная империя платила в качестве дани 2000 фунтов золота, что составляет примерно 25 млн. долларов по нынешним ценам. Эта сумма составляла значительную часть государственного бюджета, но она предотвращала разорение провинций и давала возможность выиграть время, необходимое для накопления собственных сил [1, с. 89]. Золото позволяло империи также нанимать на службу целые отряды конных лучников, становившихся из ее врагов грозными союзниками. Данью, щедрыми подарками вождям и союзникам гуннов Константинополь исподволь подтачивал их силы, и когда после смерти грозного повелителя гуннов Аттилы ему представился удобный случай, руками купленных на эти деньги союзников он сумел нанести своим врагам смертельный удар.

«Тем самым, – пишет автор, – утвердился новый стратегический подход, знаменовавший собой еще один этап перехода от Рима к Византии: сначала дипломатия, а потом сила, ибо цена первой была всего лишь временной, тогда как риск, заключавшийся в последней, мог привести к полному и окончательному поражению» [1, с. 89]. Особая роль в византийской дипломатии отводилась разведке и сбору сведений о противнике, осуществлявшемся всеми возможными средствами. Информация получалась через торговцев, регулярно посещавших чужую территорию, через воинов пограничных гарнизонов, использовались также донесения шпионов и помощь «агентов на местах», вербовавшихся из числа недовольных местных жителей. Тайные операции являлись прямым продолжением шпионажа и занимали естественное место в византийском способе ведения войны, отчасти как способ снизить военные потери, а в лучшем случае, чтобы вовсе избежать военных действий [1, с. 100]. Для этого византийцы использовали различные средства убеждения, включая миссионерскую проповедь, дипломатические браки и посылку подарков, но золото среди них играло важнейшую роль. Это предпочтение денежных выплат означает, что цена дани для византийцев была меньшей, чем двойная цена, которую пришлось бы заплатить за оборону, и которая, при необходимости, должна была включать как военные расходы, так и ущерб, причиненный разорением охваченной военными действиями территории. Так, гуннская ежегодная дань в 2000 фунтов золота не кажется чем-то чрезмерным в сравнении со 100 000 фунтов, в которые казне обошлась неудачная морская экспедиция императора Льва I против вандалов [1, с. 87].

Для византийцев война являлась необходимым, но чрезмерно затратным предприятием, к войне следовало готовиться, но ее нужно было избегать любыми средствами. В этом отношении к войне проходил еще один раздел с эпо-

хой Рима. В то время как для римлян целью войны являлась победа и завоевание мира, византийцы рассматривали мир лишь как временный перерыв в войне. Уничтожив одного врага, империя немедленно сталкивалась с другим, который занимал его место. В то время как утрата немногочисленных и ценных воинов, как цена за «износ» врага, была окончательной и невозполнимой, обретенные таким образом стратегические достижения носили временный характер. Даже полное уничтожение врага не было окончательным достижением, поскольку в бесконечной войне вчерашний враг зачастую становился лучшим союзником [1, с. 92]. Поскольку византийцы в полной мере это признали, они отказались от умножающих потери лобовых атак и положились на маневренную войну. Основным видом их войск была конница, которая противостояла врагу наскоками при наступлении и засадами при обороне, сдерживанием и обходом с флангов, способная одержать победу скорее подрывом сил врага, нежели его уничтожением на поле боя [1, с. 93]. В наступательном отношении такая тактика наиболее успешно применялась в юстиниановых захватнических войнах в Северной Африке и в Италии. В обороне она применялась вплоть до падения империи, позволив отсрочить этот момент почти на целое тысячелетие.

Гений византийской стратегии заключался в том, чтобы саму многочисленность врагов превратить в преимущество, используя дипломатию, перемакивание на свою сторону, выплаты и обращение в свою веру, чтобы заставить их сражаться друг с другом, а не с империей. Военная сила у византийцев была подчинена дипломатии, а не наоборот, и использовалась она скорее для сдерживания и наказания, а не для нападения и защиты. Созданный византийцами образ самих себя, как единственных защитников истинной веры, позволял им сохранять солидарность и моральное равновесие перед вызовом их врагов. Эти представления хорошо соответствовали христианской православной этике, в которой война, как и любое насилие имело греховную природу. Нет сомнений, что их искренне разделяли не только духовенство, но также аристократия и значительная часть простонародья [1, с. 584].

Список источников и литературы

1. Люттвак Э. Н. Стратегия Византийской империи / Люттвак Э. Н. пер. с англ. А.Н. Коваля. – М., Университет Дмитрия Пожарского, 2010. – 664 с.